



(1929-2021)

ЛОПУХИНЫ

Историко-генеалогические заметки к 1000-летию рода

*Блажен, кто память предков чтит.
И. Гёте*

В 1494 г. из утерявшего свою вольность и сразу поблекшего Великого Новгорода тронулась в дальний путь на Москву большая семья, а точнее — целый клан: на службу Государю¹ всея Руси Ивану III Васильевичу ехали братья Лопухины.

Сегодня можно только догадываться, как это было. Скорее всего, двинулись большим обозом, а может быть, и несколькими, зимой санным путём (летом без крайней надобности путешествовали тогда редко). Не обошлось, наверное, без слёз, без печали разлуки с родными местами да и без страха тоже — Великий Государь был грозен, хоть и не заслужил в народе такого прозвища, как его внук «венчанный гнев» Иван IV Васильевич. ...Всё это, конечно, домыслы, достоверно лишь то, что в Москву в том далёком году Лопухины действительно приехали.

Так более пяти столетий назад началась служба Московским Великим Князьям, Царям и Всероссийским Императорам — служение России — одного из древнейших русских дворянских родов, ведущего своё начало с XI века.

Можно считать, впрочем, что Лопухины лишь вернулись в Москву: один из их предков Михаил Юрьевич Сорокоум ещё в начале XIV века был боярином при Московском Великом Князе Иване Даниловиче Калите. А сам боярин Сорокоум был потомком владетельного Князя касогов Редеди.

Об этом князе на редкость подробно рассказывает «Повесть временных лет» — старейшая русская летопись, сохранившая самые давние исторические повествования о русской земле. Вот несколько строк из неё за 1022 год:

«... Мстислав, который владел Тмутороканью, пошёл на касогов. Узнав же об этом, князь Касожский Редедя вышел навстречу ему. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Но сойдёмся и сами поборемся. И если одолеешь ты, возьмёшь имуществу мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму всё твое». И сказал Мстислав: «Будь так...» (455).

Князья сразились, победил Мстислав Владимирович, сын равноапостольного просветителя Руси Великого Князя Владимира. По уговору взял Мстислав за себя и земли касогов (черкесов), и всё имение Редеди, и жену его, и детей его... (389).

¹ При написании некоторых наименований и титулов в книге используются правила, применявшиеся в Российской империи.

Рыцарский поединок двух князей явно поразил воображение современников: о нём повествует не только древнейшая из русских летописей, но и первое дошедшее до нас произведение русской художественной литературы. В «Слове о полку Игореве» упоминается *«храбрый Мстислав, поразивший Редедю пред полками Касожскими» (606)*.

Овладев законной по тем временам военной добычей, Князь Мстислав Владимирович крестил сыновей Князя Редеди, дав им имена Юрий и Роман. Юрий скончался бездетным, а от потомков князя Романа Редедича, женившегося на дочери Князя Мстислава, произошли многие древние русские дворянские роды. И хотя Роман Редедич был прирождённым князем, а его супруга — внучкой Святого Великого Князя Владимира, потомки их княжеского титула не унаследовали, ибо в те времена князьями на Руси именовали, как правило, лишь представителей правившей династии Рюриковичей (154; 223).

Имена ближайших потомков князя Романа сохранились лишь в родословных росписях и семейных преданиях. Это характерно для большинства российских дворянских родов, корни которых уходят в далёкие века, когда любая запись была редкостью. Однако, как пишет известный генеалог и историк дворянства Л.М. Савёлов, *«доказать неверность легенды бывает очень трудно, в большинстве случаев подрывается лишь доверие к ней, а случаев доказательного опровержения легенд мы знаем весьма немного...» (590)*.

Касожские воины под водительством князя Романа Редедича, войдя в дружину Князя Мстислава, помогли ему в борьбе за Киевский престол и за владение Черниговским княжеством (163). Их дети и внуки, получив земли в Черниговском княжестве (по мнению проф. В.В. Мавродина (343), касоги были поселены не только на юге, но и на севере, где Черниговское княжество граничило с Суздальско-Ростовской землёй, в том числе в Подмоскowie), продолжали служить его князьям до падения Чернигова в 1239 г., когда он был сожжён монголо-татарами. Вскоре Черниговское княжество перестало существовать, и потомки Касожского Князя Редеди направились во Владимирскую Русь.

В.О. Ключевский в своём «Курсе русской истории» указывал, что *«с конца XIII века, ещё прежде, чем Москва начинает играть заметную роль в судьбе северной Руси, в неё со всех сторон собираются знатные служилые люди из Мурома, из Нижнего, Ростова, Смоленска, Чернигова, даже Киева и с Волыни» (228)*.

Здесь уместно вспомнить одно дополнение к родословию из Летописной редакции родословных книг, опубликованное в 1977 году (260. С. 68—69): «Приехали к Москве два Царевича Редедины, внучата Царёвы, Касай-царевич да Сеундук-царевич во крещении Царевич Касай наречённый Ондрей, а прозвище Тронщя. А Царевич Сеундук во крещении Иван, а прозвище Черменка ... А от Ивана от Черменки род: у Черменки род Яков, в Черменскине роду первой боярин. У Якова сын Михайло Сорокоум, 18 лет боярин». То есть упомянутый Иван Юрьевич Редедин — боярин в Чернигове являлся не братом, как принято считать, а дедом Михаила, что более соответствует хронологии событий в те времена в Чернигове и Москве.

Это уточнение также подтверждает происхождение Михаила Сорокоума — боярина Князя Московского Ивана Даниловича Калиты от рыцарственного Князя касогов, что было уже тогда официально признано.

С 1328 по 1337 г. Иван Калита являлся также и Князем Новгородским, а в 1331 г. стал Великим Князем Владимирским вопреки новгородским законам, запрещавшим князьям покупать там земли. Иван Калита заводил в Новгородской земле слободы, населял их своими людьми, распространяя таким образом свою власть. Именно в это время часть рода Редедичей по поручению Великого Князя отъезжает в Великий Новгород.

Их потомки вскоре заняли достойное место в новгородском обществе и владели многими новгородскими землями. От его сына Глеба Григорьевича Ушака пошёл род дворян Ушаковых, а от другого сына Варфоломея Григорьевича Лаптя — род Лаптевых. В

конце XIV и начале XV в. мы находим в Новгороде его сына Василия Варфоломеевича Лаптева по прозванию Лопуха. Так впервые появилось прозвище, ставшее вскоре фамилией, которую члены рода носят до сей поры (1; 3; 29).

О том, что и сам Василий Варфоломеевич Лопуха, и его потомки, уже Лопухины, были заметными людьми в Великом Новгороде, свидетельствует хотя бы то, что один из внуков Василия Варфоломеевича — Яков Алферьевич — был новгородским посадником. В непростое время служил Яков Алферьевич: усилившаяся Москва настойчиво собирала русские земли, и Великий Князь Иван III твердо решил окончательно «взять под свою высокую руку» Новгород (221). Здесь не место рассказывать о дипломатических усилиях и военных походах Московского Государя на новгородцев, скажем лишь, что дни вольности новгородской подходили к концу. И Лопухины стали очевидцами падения Новгородской республики и присоединения Новгорода к Русскому государству (25). Они, конечно, понимали, что переход на службу к Московскому Государю неизбежен, ведь они и сами были потомками выходцев из Москвы. Однако тогда к Ивану III Васильевичу Лопухины не пошли и остались в Новгороде. Ещё почти два десятилетия после разгрома новгородских независимости и свобод, после окончательного и бесповоротного покорения древнейшего русского города Москвой потомки одного из последних посадников оставались на своей земле.

Никакой опалы в отношении их не последовало. Но всё же они приняли решение — ехать в Москву, так как годы, прошедшие после падения вольности новгородской, показали наиболее энергичным людям, что здесь, на северо-западной окраине Великой Руси, делать им больше нечего. Род Лопухиных разделился надвое — Алферьевичи были за отъезд в Москву, Матвеевичи хотели остаться в Новгороде. В анналах рода запечатлён год от Рождества Христова 1494-й. Именно тогда выехали в Москву шестеро Лопухиных с семьями, пожитками, запасами, с многочисленными домочадцами, которых в те времена ни один знатный человек не мог бросить на произвол судьбы.

Есть основания полагать, что принадлежность к правящему слою поверженной республики какое-то время вызывала некоторую настороженность по отношению к представителям рода в державной Москве. Несмотря на это, уже московские дворяне Лопухины «жили на Государевом дворе» и смогли сохранить за собой новгородские и тверские поместья. По описи 1495 г. пятнадцать Лопухиных числились новгородскими землевладельцами только лишь по Деревской пятине.

Служили в то время Лопухины в основном по Стрелецкому и Посольскому приказам, бывали воеводами. Настороженность, впрочем, была недолгой, потому что уже в 1550 г., за два года до взятия Государем Иваном IV Казани, племянник бывшего посадника Григорий Тимофеевич был вписан в Первую тысячную книгу московских дворян как испомещённый в Деревской пятине, а его двоюродный брат Владимир Яковлевич оказался внесённым в личный Государев синодик Царя Ивана IV за 1571 г. как торопецкий помещик, убитый во время нашествия хана Девлет Гирея на Москву.

Ещё в конце XV века род Лопухиных разделился на пять основных ветвей. Три из них в XVI—XIX столетиях пресеклись, но две здравствуют и поныне: потомки Тимофея Алферьевича — Тимофеевичи, а его младшего брата Григория Алферьевича — Григорьевичи.

История рода в Москве отмечена и крутыми взлётами чиновности, влияния, известности, и жестокими опалами, казнями, которые иногда обрушивались как на всех, так и на отдельных представителей фамилии. Подробности об этом читатель может узнать из родословия, составляющего основную часть книги.

Особая и весьма важная страница в истории рода — женитьба Царя Петра Алексеевича, будущего первого Всероссийского Императора, на девице Евдокии Лопухиной, дочери окольного Илариона (в боярах Фёдора) Авраамовича. К этому эпизоду родовых анналов мы ещё вернёмся.

Род, которому посвящён очерк, дал России немало видных деятелей на самых разных поприщах. Среди Лопухиных было семерых бояр, шесть окольных, три думных дворянина, семнадцать воевод и десятки стольников, спальников, стряпчих и других придворных чинов Московского, а затем и Российского государства.

Лопухины дали России шестнадцать генералов и двух адмиралов, множество «штатских генералов» — действительных тайных, тайных и действительных статских советников.

В 1799 г. действительному тайному советнику, министру юстиции и генерал-прокурору Петру Васильевичу Лопухину Император Павел I за заслуги перед Отечеством пожаловал титул светлейшего князя Российской империи. Эта княжеская ветвь Лопухиных пресеклась, но Император Александр II передал титул правнуку Петра Васильевича по женской линии — Н.П. Демидову, с тем чтобы старший в его роде именовался впредь светлейшим князем Лопухиным-Демидовым (247). После угасания и этой ветви в эмиграции в наши уже времена — в 1995 г., титул князей Лопухиных Указом Главы Российского Императорского Дома Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны был возвращён в Россию и передан старшему в роде Лопухиных — Вадиму Олеговичу Лопухину и его потомству.

Служили Лопухины наместниками, генерал-губернаторами и губернаторами многих российских провинций и губерний — Московской и Киевской, Вологодской и Ярославской, Эстляндской и Астраханской, Тульской и Калужской, Орловской и Тверской... Известны Лопухины — министры и сенаторы, философы и богословы, дипломаты и литераторы. Бывали среди них и предводители дворянства, и крупные земские деятели, строители знаменитых храмов и дворцов, создатели уникальных парков, собиратели крупных коллекций...

Охарактеризовав коротко род в целом, остановимся на некоторых его представителях, рассказывая о которых, также не избежать некоторых обобщений. Уже упоминалось, например, что многие Лопухины в давние времена числились по Стрелецкому приказу. Это в определённый момент сыграло немалую роль в судьбах рода.

Первым из стрелецких начальников назовем Никиту Васильевича, который ещё в конце XVI века при Царе Фёдоре Иоанновиче был на Москве стрелецким головой, а позже воеводствовал во Владимире и Боровске (39). Сын Никиты Васильевича Авраам Никитич Лопухин в 1648 г. стал, как и его отец, Московским стрелецким головой, а через несколько лет прославился упорной защитой от поляков Могилёва. Государь Алексей Михайлович его жаловал — на свадьбе с Натальей Кирилловной Нарышкиной Авраам Никитич был гостем, а в 1670 г. стал дворецким Царицы и в день крещения Царевича Петра Алексеевича «сидел у Царицы Натальи Кирилловны за поставцом». В 1672 г. был пожалован в думные дворяне, возглавлял Приказ Большого дворца. Принимал участие в переговорах с Османской империей, стал боярином.

Подпись Авраама Никитича стоит под Соборным деянием об уничтожении местничества 1682 г. За несколько лет до кончины он принял монашеский постриг и схиму под именем Александр в Троице-Сергиевом монастыре, где скончался и был погребён в 1685 г.

Стрелецким начальником начинал и племянник Авраама Никитича Иларион Дмитриевич Лопухин. Ещё при Царе Василии Ивановиче Шуйском он отличился, отражая натиск неприятеля во время знаменитой осады Москвы польско-литовским войском. За это отличие был пожалован вотчиной. А при первых Государях из династии Романовых Иларион Дмитриевич стал дипломатом, бывал с русскими посольствами в Венгрии и Турции, в 1649 г. определён в Посольский приказ и вскоре послан на Украину к гетману Богдану Хмельницкому. В 1653 г. Иларион Дмитриевич уже ведает Посольским приказом, разрабатывает договор о воссоединении Украины с Россией и участвует в его подписании. Позже он бывал во многих посольствах, вёл переговоры от имени Великого Государя и заседал в Государевой Думе. «Скончался сей препочтенный,

трудолюбивый и справедливый муж, верный Монарху слуга и патриот, думный дворянин Иларион Дмитриевич Лопухин в 1671 г.», — так написал о его кончине игумен Ювеналий (Воейков).

Его двоюродный брат Иларион Авраамович также отдал дань стрелецкой службе — головою и полковником. Лопухины были в то время, как говорят, «на виду», и Иларион Авраамович был пожалован стольником, служил воеводой в Верхотурье, а затем стал окольным. В этом высоком придворном и государственно-думном чине состоял он, когда Царица Наталия Кирилловна, искавшая невесту для своего сына Царя Петра Алексеевича, остановила свой выбор на его дочери Евдокии, при наречении которой Царской невестой в соответствии с традицией он изменил своё имя на Фёдор.

...И здесь хотелось бы сделать небольшое отступление и поговорить о том, почему именно Евдокия Фёдоровна Лопухина стала Царской невестой. Историки-западники либерального и демократического толка, которые безоговорочно восхваляли всё, что делал Пётр I, считали, что эта свадьба — всего лишь следствие придворных комбинаций.

Позволим себе, тем не менее, высказать предположение, что всё было сложнее, и выбор невесты для Царя определялся отнюдь не одними интригами. Вспомним, что в конце XVII столетия Лопухины были известным и многочисленным родом (в поколении отца Царской невесты по всем линиям насчитывалось около тридцати мужчин Лопухиных, многие из которых занимали пусть и не высшие, но видные посты в государственном управлении и в войсках). Это был род, традиционно «свой» в стрелецких полках, а во время выбора Царской невесты полновластной правительницей на Руси была ещё Царевна Софья Алексеевна, которая также, как известно, делала ставку на стрельцов. Такое совпадение не могло быть случайным, и очевидно, что выбор Лопухиных в качестве будущих родственников Царя Петра Алексеевича и его матери основывался не только на том, что вдовая Царица хорошо знала Лопухиных, но и на желании привлечь на свою сторону многочисленную фамилию, тесно связанную со стрелецким войском и Боярской думой. Думается, именно в этом, а не в интригах, которые, конечно, также могли иметь место, главная причина наречения Евдокии Лопухиной Царской невестой.

Как бы то ни было, но 27 января 1689 г. в одном из кремлёвских храмов были повенчаны Царь Пётр Алексеевич и Евдокия Фёдоровна, ставшая в тот день последней русской Царицей, избранной Августейшим женихом из своих соотечественниц (225; 231). Все последующие российские Государя женились на иностранных принцессах из европейских владетельных домов и носили титул Императора (155).

Семейная жизнь Петра Алексеевича и Евдокии Фёдоровны, как известно, не сложилась. Впрочем, первые пять лет всё было более или менее спокойно. Хоть Царь часто отлучался, супруги переписывались. Переписка сохранилась, и многие письма Петра Алексеевича к жене свидетельствуют пусть не о любви, но во всяком случае о добром отношении к ней. Резкая перемена случилась, как свидетельствуют документы, после сближения Царя Петра с «дебашаном» Францем Лефортом, который стал его наперсником, советником, а во многом и совратителем.

Вот что писал об этом известный историк Н.И. Костомаров: *«Разгульная жизнь Петра отразилась и на его семейных отношениях. Лефорт сблизил Петра с семейством Монсов, где было две дочери; Петру сильно приглянулась одна из них — Анна. Умная, кокетливая немка умела привязать его к себе тем наружным лоском обращения, которого недоставало русским женщинам. Пётр с этих пор невлюбил жены своей, чуждался домашнего очага, но принужден был сдерживать себя, пока жива была его мать»* (244).

Однако большинство историков прошлого века, не решавшихся сказать о Царе Петре худое даже в мелочи, создали иной образ этого супружества. *«Жена пришла не по мужу»*, — считал С.М. Соловьёв (615), В.О. Ключевский добавлял, что *«свекровь, невлюбившая невестку, ускорила неизбежный разрыв»*. Но почему же тогда изгнание и заточение в монастырь Царицы Евдокии произошло только после кончины Царицы

Наталии Кирилловны? Не больше ли прав Н.И. Костомаров, который писал, что Пётр Алексеевич *«принужден был сдерживать себя, пока жива была его мать?»*

Что же касается утверждения, что «жена пришлась не по мужу», то можно ли было ждать добровольного и активного участия в такой бурной жизни, которую вёл Царь, от женщины, выросшей и воспитанной в старорусском тереме? Вряд ли! Поэтому дело, судя по всему, было не в Царице, а в Царе, который *«был слишком занят и слишком груб..., чтобы быть хорошим семьянином» (244)*. И последнее — была ли Царица Евдокия *«неумной, суеверной и вздорной»*, как утверждают некоторые авторы?

Трудно судить о характере женщины, жившей три столетия назад, но уж во всяком случае «неумной» она не была, о чём свидетельствуют достаточно беспристрастные источники, ссылающиеся на отзывы иностранцев, видевших Царицу в годы её недолгого благополучия в молодости и во время её пребывания при дворе своего внука Императора Петра II.

Не будем пересказывать печальную историю русской Царицы, которой её Царственный Супруг предпочёл смазливую мещаночку из Немецкой слободы, в конце концов с лёгкостью куртизанки предавшую его, а затем бывшую служанку из дома протестантского пастора, которая также отравила изменой последние дни Императора Петра I. История Царицы Евдокии Фёдоровны, урождённой Лопухиной, достаточно хорошо известна. Но следовало бы коротко остановиться на том, как сказались родство Лопухиных с Царствующим Домом Романовых на судьбах рода и отдельных его представителей.

Конечно, женитьба Царя на Евдокии Фёдоровне возвысила Лопухиных, сразу же ввела их в первый ряд лиц, окружавших трон Московских Государей. Отец Царской невесты был пожалован боярином, а после свадьбы стал и ближним боярином, что было высшей ступенью в иерархической лестнице того времени. Высокие чины и видные должности получили и некоторые другие родственники молодой Царицы. Но главное, пожалуй, в том, что Лопухины заняли прочное место среди виднейших аристократических родов России, которое сумели сохранить и в дальнейшем (326; 327; 328). Даже после разрыва между Царственными Супругами, несмотря на многочисленные опалы, Лопухины продолжали оставаться в высшем слое российской аристократии. Подтверждает это, кстати, и указ самого Царя Петра от 1697 г. об отправке на учение в Европу молодых людей знатнейших фамилий. Рядом с именами Долгорукова и Милославского, Голицына и Ртищева, Куракина и Бутурлина, Шереметева и Репнина значится в этом документе и «Аврам Фёдоров сын Лопухин», родной брат уже опальной тогда супруги Царя.

Несомненно, что, породнившись с Царствующим Домом, Лопухины возвысились, но этот взлёт дорого обошёлся роду. За «вины перед Царём», обычно мнимые, а чаще по подозрению в нелояльности к Царю Петру многие Лопухины претерпели ссылки, пытки и казни. Царь Пётр Алексеевич по ложному доносу собственноручно запытал до смерти боярина Петра Авраамовича Большого, также скончался под пыткой боярин Пётр Авраамович Меньшой, был удалён из Москвы и послан воеводой в далёкую Готью отец Царицы ближний боярин Фёдор Авраамович, отослан «с глаз долой» воеводой в Чаронду боярин Василий Авраамович, а младший брат боярин Сергей Авраамович послан воеводой в Вязьму.

Родного брата Царицы Авраама Фёдоровича за связь с сестрой и молчание о бегстве из России своего племянника Царевича Алексея Петровича несколько раз жестоко пытали. Сенат приговорил его к колесованию. Отрубленная голова несчастного долго торчала на столбе в публичном месте, а тело оставалось на колесе несколько месяцев — на страх Государевым ослушникам.

Степан Иванович Лопухин также по делу Царевича Алексея Петровича был сослан на вечное поселение в Кольский острог.

Понятно, что Лопухиным было трудно питать особенно тёплые чувства к Царю Петру. Видимо, поэтому не стал особо скрывать своего недовольства возведением на престол его дочери Елизаветы Петровны двоюродный брат Царицы Евдокии вице-адмирал Степан Васильевич Лопухин (241). Он был далёк от политики, но оказался вовлечённым в придворную интригу, которая вылилась в известное в истории так называемое Лопухинское дело и в итоге стоило пожилому адмиралу жизни. Вот как это было.

Степан Васильевич был женат вторым браком на известной красавице Наталии Фёдоровне, урождённой Балк, дочери генерал-поручика Фёдора Николаевича Балка и племяннице небезызвестной Анны Монс. Наталья Фёдоровна, которая в молодости красотой и нарядами соперничала на балах с самой Царевной Елизаветой, стала статс-дамой Императрицы и попала в интригу лейб-медика И. Лестока, который вознамерился устранить вице-канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина.

Лопухины оказались лишь промежуточным звеном в цепи доказательств «измены» вице-канцлера, но Императрица Елизавета Петровна, памятуя о сложных отношениях своего отца с этим родом, уверовала в их вину. Так появилось «Лопухинское дело». Адмирала, его жену и старшего сына пытали, приговорили к колесованию, но перед самой казнью помиловали, заменив её бичеванием, урезанием языка и ссылкой в Сибирь, где Степан Васильевич с сыном скончались. Сама бывшая красавица вернулась из ссылки лишь через 18 лет, когда «Лопухинское дело» уже при Императоре Петре III было пересмотрено и признано сфальсифицированным.

Так, через десятилетия после смерти и Царя Петра Алексеевича, и Царицы Евдокии Фёдоровны отзвуки давней семейной драмы оборачивались пытками и смертями для фамилии, породнившейся с Царским Домом.

Память о тех нелёгких для рода временах хранят созданные по душевному позыву и при непосредственном участии Лопухиных десятки храмов и пять монастырей в разных уголках страны.

Это были, однако, последние опалы, обрушившиеся на Лопухиных. В последующем при всех российских Императорах представители рода неизменно удостаивались монарших милостей и занимали видные посты в войсках и государственных учреждениях империи.

Расскажем коротко лишь о некоторых из них. Кажется, самым долголетним среди Лопухиных был генерал-поручик Владимир Иванович. Родившись в 1705 г., он поступил на военную службу при Петре I, при Петре II командовал отрядом, который помог утвердиться на польском престоле Королю Августу II, при Императрице Анне Иоанновне воевал под командованием Принца Евгения Савойского вместе с имперским войском, помогая ему. При Императрице Елизавете Петровне Владимир Иванович Лопухин стал генерал-майором и исполнял должность Киевского генерал-губернатора, а Император Пётр III направил его с войском в помощь прусскому Королю Фридриху II. Отставка последовала лишь при Императрице Екатерине II, а скончался генерал, послужив шести Императорам, в самом конце её царствования, будучи 92 лет от роду.

Прославленным генералом был Василий Авраамович — сын казнённого брата Царицы Евдокии Авраама Фёдоровича Лопухина. Звёздный час его жизни пришёлся на известную в истории Семилетнюю войну. 19 августа 1757 г. во время решающей битвы между русскими и прусскими войсками при деревне Гросс-Егерсдорф в Восточной Пруссии генерал-аншеф Лопухин командовал левым крылом русской армии, на которое пала главная тяжесть сражения. Был момент, когда российские гренадеры оказались смяты противником, и раненого генерала Лопухина, сражавшегося в их рядах, попытались схватить окружившие его пруссаки. Увидев пленение любимого начальника, гренадеры вернулись, молодецким ударом освободили своего генерала и отбросили врага. Этот удар оказался решающим в сражении, битва была выиграна, но сам Василий Авраамович тут же, на поле боя, скончался от ран. В донесении Государыне Елизавете Петровне

главнокомандующий русской армией фельдмаршал С.Ф. Апраксин так писал о генерале Лопухине: «... упоминая о нём, не могу от слёз воздержаться. Он до последнего дыхания сохранил мужество и к службе прямое усердие. Тремя пулями весьма тяжело ранен, однако, сохраняя остатки жизни, спрашивал только: «гонят ли неприятеля?». А как ему то уверено было, то последние его слова были: «Теперь умираю спокойно, отдав мой долг Всемилостивейшей Государыне» (333).

«Кроме личной храбрости, Василий Авраамович обладал умением привязывать к себе солдат ласкою и необычайной щедростью. Тысячи сердец, по словам современников, оплакивали умершего генерала» — так написано в Военной энциклопедии, изданной в 1911—1915 гг. (59).

Подвиг генерала не забыт. Имя В.А. Лопухина в связи с этим сражением упоминается не только в военно-исторических трудах, но даже в современном Военно-энциклопедическом словаре, изданном десяток лет назад, а народные солдатские песни о храбром генерале пели в русской армии ещё во время Отечественной войны 1812 г.

И сегодня в Калининградском областном историко-художественном музее мы можем увидеть стенд, посвящённый памяти генерал-аншефа В.А. Лопухина.

Совсем иной, но не менее громкой славой овеяно в русской истории имя Ивана Владимировича Лопухина, выдающегося философа, государственного деятеля, писателя и мемуариста. Широкая публика знает его, возможно, больше других Лопухиных (исключая, разумеется, Царицу Евдокию Фёдоровну) потому, что многие читали интереснейшие «Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И.В. Лопухина, составленные им самим» (284). В последний раз, кстати, эта замечательная книга была переиздана совсем недавно в серии «Памятники литературы XVIII века».

Иван Владимирович известен как гуманист, привнесший в русскую юридическую практику представление об исправительном значении наказания за преступление. «Не просто карать, но, милосердно карая, исправлять» — таков был его девиз. Известен И.В. Лопухин и как организатор и великий мастер нескольких русских масонских лож, автор и переводчик масонских трудов: «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями», «Нравоучительный катехизис истинных Франк-Масонов», «Духовный рыцарь», «Некоторые черты о внутренней церкви» и других (220; 285; 286; 287). Когда при Императрице Екатерине II начались преследования масонов, Иван Владимирович не понес такой кары, как другие его собратья по ложам. Позже Император Павел I пожаловал ему чин действительного тайного советника, некоторое время держал его при Своей Особе в качестве статс-секретаря, а затем назначил присутствующим сенатором в Москву. Заметными были его труды и на ниве просвещения и благотворительности. На свои средства он издавал книги, создавал школы, аптеки и больницы.

Мы уже упоминали о светлейшем князе Петре Васильевиче Лопухине, который пользовался особым расположением Императора Павла I, даровавшего ему этот титул. Но и до этого высокого пожалования Пётр Васильевич прослужил Тверским наместником и почти 10 лет Московским гражданским губернатором, а затем Вологодским и Ярославским генерал-губернатором, был награждён многими российскими орденами, в том числе орденом Святого равноапостольного Князя Владимира 2-й степени, что было очень высокой наградой. В 1797 г. он стал сенатором, в 1798-м — генерал-прокурором, действительным тайным советником и кавалером высшего в России ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Император Александр I назначил его министром юстиции, затем в 1816 г. — председателем Государственного совета и Комитета министров в чине действительного тайного советника 1-го класса (высшая ступень Табели о рангах), кои должности он исполнял до своей кончины в 1827 г. Пётр Васильевич Лопухин возглавлял высшие органы государственного управления России дольше, чем кто бы то ни было в нашей истории.

Среди чиновных и влиятельных хотелось бы упомянуть и о тех Лопухиных, кто оставил несколько иной, скорее, лирический след в истории России. Таким был, в частности, Алексей Александрович Лопухин, один из немногих долголетних близких друзей М.Ю. Лермонтова. Он был братом известной ценителям поэзии Лермонтова Вареньки Лопухиной, которой великий поэт посвятил множество стихов. Милый образ Варвары Александровны Лермонтов всю жизнь хранил в своём сердце. А его переписка с сестрой Вареньки Марией Александровной составляет значительную часть лермонтовского эпистолярного наследия.

Вспомним гвардейского поручика Ивана Николаевича Лопухина, известного автора музыки к романсам на стихи А.А. Фета, и капитана-преображенца Авраама Васильевича, написавшего несколько популярных в своё время книг стихов и прозы. Кстати, именно по его замыслу и заказу архитектор А.Г. Григорьев построил в Лопухинском переулке возле Пречистенки в Москве прекрасную городскую усадьбу, которая и поныне пленяет поклонников московского ампира.

Для Лопухиных-храмоздателей — а ими возведено более 50 храмов, — строителей дворцов и усадеб трудились известные архитекторы В.И. Баженов, М.Ф. Казаков, Н.А. Львов, Дж. Кваренги, В.И. Беретти, Ф.К. Боффо и многие другие (50; 157; 158; 212).

Не забудем и Марию Ивановну Лопухину, урождённую графиню Толстую, чей знаменитый портрет, написанный в 1769 г. В.Л. Боровиковским, специалисты считают одним из лучших в искусстве своего времени.

Надо отметить, что портреты Лопухиных писали многие выдающиеся художники: Д.Г. Левицкий, **И.П. Аргунов**, С.С. Щукин, К.П. Брюллов, А.Г. Варнек, Ж.-Л. Вуаль, Ж.Л. де Велли, И. Ромбауэр, Ф.И. Лидер, И.Б. Лампи и др. (178).

Практически у каждого поколения рода Лопухиных была своя война.

Так, в Отечественную войну 1812 г. воевали 13 Лопухиных, из них 6 сыновей первого Тульского губернатора — тайного советника Андрея Ивановича.

Лопухины участвовали во всех войнах и крупных сражениях нашей истории.

Только лишь орденом Святого великомученика и Победоносца Георгия отмечены 10 представителей рода, 9 награждены золотым оружием «За храбрость», а генерал Пётр Андреевич Лопухин был удостоен Золотой шпаги дважды. Их имена увековечены на стенах Георгиевского зала Большого Кремлёвского дворца и храма Христа Спасителя в Москве.

Лопухины воевали на фронтах Первой мировой войны. Обо всех не расскажешь, упомянем лишь двоих — отца и сына. В самом начале великой войны в августе 1914 г. в Каушанском сражении погиб Георгий Дмитриевич — корнет лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Это случилось на глазах его отца, командира этого же полка генерал-майора Дмитрия Александровича. А через три месяца скончался от боевых ран и сам генерал Лопухин.

Сторонясь интриг и конфликтов, Лопухины, блюдя честь своего рода, в меру своих сил как в древние, так и в новейшие времена всегда верно служили своему Государю и Отечеству.

События печальной памяти 1917 г. обернулись трагедией и для рода Лопухиных, раскидав их по всему свету, да так, что потомки некоторых из них нашли друг друга более чем через 80 лет, во многом благодаря почти 900-страничному фолианту «Лопухины в истории Отечества», написанному к 1000-летию рода ныне уже покойным Б.П. Краевским (245) и вышедшему в московском издательстве «Центрполиграф» в 2001 г.

Но вернёмся к революции и Гражданской войне, в которой многие из Лопухиных с оружием в руках воевали в рядах Белого движения.

Деятельным борцов против большевизма был Михаил Сергеевич Лопухин, выпускник юридического факультета Императорского Московского университета, а в годы мировой войны — ротмистр Сумского гусарского полка, награждённый за храбрость многими боевыми орденами, включая орден Святого великомученика и Победоносца

Георгия 4-й степени. Он участвовал в делах подпольного «Союза защиты Родины и свободы», в составе довольно значительной офицерской группы зимой 1918 г. выезжал в Сибирь и на Урал, где была предпринята попытка вызволить из большевистского пленения Императорскую Семью. Попытка не удалась, и «командир десятки» (таким было конспиративное деление в подпольной организации) М.С. Лопухин вернулся в Москву, где вскоре был арестован ЧК и расстрелян (641). Рассказывали, что улики против него не было и его хотели отпустить, если он даст слово не участвовать в борьбе против большевиков. Офицер отказался дать такое слово (86).

Расстреляны большевиками в 1919 г. как заложники Борис и Юрий Александровичи.

Владимир Борисович Лопухин стал последним директором Департамента общих дел Министерства иностранных дел России. Это он был одним из организаторов известного противостояния дипломатов и красных комиссаров, которые торопились получить ключи от бронированных сейфов с секретными документами.

Брат дипломата профессор-физик Евгений Борисович, так же, как и сам Владимир Борисович, исчез из поля зрения родственников в конце 1930-х годов. Скорее всего, они были арестованы и в лучшем случае отправлены в ссылку.

Некоторым из Лопухиных повезло больше; калужанин поручик Александр Иванович, например, воевал в Белой армии, после её поражения был арестован, затем выпущен, потом снова арестован и всего лишь бессрочно сослан.

Случилось так, что значительная часть рода, Тимофеевичи (если читатель помнит предыдущие страницы этого очерка), сумели уехать из красной России. Николай Сергеевич с семьёй оказался сначала в Харбине, затем в США и во Франции, где и сейчас живут его дети и внуки (321). Алексею Сергеевичу, который был арестован по одному делу с отцом Павлом Флоренским, в начале 1930-х годов удалось с помощью родственников жены баронов Мейендорфов и Красного Креста добиться разрешения на выезд вместе с семьёй в Эстонию, затем в Германию. Оттуда они перебрались в США, где его потомки здравствуют и по сей день.

Можно назвать и других Лопухиных, оказавшихся не по своей воле за пределами России. Сейчас представители древнего русского рода живут во Франции, США, Великобритании, Германии, Канаде, Польше, Швеции, на Украине.

Попали они в дальние страны разными путями, но всегда нелёгкими. О каждом из таких странствий можно было бы написать целую книгу. Расскажем поэтому коротко лишь об одном из них.

Уже упоминавшийся ранее надворный советник и мировой судья калужский помещик Николай Сергеевич Лопухин к концу 1917 г. понял, что из столицы надо уезжать. Он купил железнодорожный вагон, погрузил семью и минимум вещей и отбыл за Урал (21).

В 1918 г. они оказались в Тюмени, где пришлось остановиться — запасы были исчерпаны, а жить нужно... В это время в городе также оказались близкий родственник Лопухиных князь А.В. Голицын и хороший знакомый — князь Г.Е. Львов, бывший глава Временного правительства. Их встречи, вполне обычные и естественные, насторожили, однако, большевистские власти, которым повсюду мерещились заговоры, последовал арест, и родилось ещё одно «Лопухинское дело» по обвинению всех троих в контрреволюционной деятельности и подготовке вооружённых выступлений, а также в попытке вызволить из большевистского пленения Императора и Его Семью. Арестованных мужчин перевезли в Екатеринбург, где тогда в «доме особого назначения» находился отрешенный Государь, началось следствие, которое Н.С. Лопухин, как юрист, всячески затягивал, чтобы выиграть время. Он знал, что друзья в Москве хлопчут об освобождении «заговорщиков».

Хлопоты в конце концов увенчались успехом, и все трое вернулись в Тюмень под надзор властей, но буквально в канун получения распоряжения об их новом аресте они бежали. К своим семьям присоединились уже много позже и дальше ехали все вместе:

Лопухины, Голицын и Львов. В Западной Сибири снова бывали длительные задержки; дело пошло лучше, лишь когда вагон попал на территорию, которую контролировало правительство адмирала А.В. Колчака. Здесь обитатели теплушки тесно сотрудничали с властями, а молодые женщины работали в госпиталях. И только к концу 1919 г. они добрались с отступающими частями Белой армии до Харбина.

Долгие десять лет жили и работали Лопухины в этом городе, пока по приглашению родственников не отправились во Францию. Денег на дорогу не было, и другая родня — князя Оболенские — помогли переплыть Тихий океан на грузовом судне, а из США в Европу они плыли через Атлантику с помощью уже американских родных. Поселились в Кламаре под Парижем, где уже жило ещё одно родственное семейство, князей Трубецких. Об этом необычном путешествии сын Николая Сергеевича — Сергей Николаевич Лопухин рассказал в своих воспоминаниях (321).

Читатель, возможно, помнит несколько строк о семье Алексея Сергеевича Лопухина, который уже в 1930-х гг. с помощью родственников жены, урождённой баронессы Мейендорф, уехал из России в Эстонию, затем в Германию и США (87). Его сын Сергей Алексеевич был в своё время широко известен в монархических кругах русской эмиграции. Он стал одним из руководителей Российского Имперского Союза-Ордена, много работал над созданием и развитием сети русских воскресных школ, благодаря которым дети эмигрантов не теряли своей русскости, издавал и редактировал известный монархический журнал «Согласие», славился как прекрасный оратор и неплохой поэт. После кончины Алексея Сергеевича в 1978 г. Российский Имперский Союз-Орден издал небольшой сборник его избранных сочинений.

Его сёстры Елена и Татьяна Алексеевны много сил отдали становлению и развитию воскресных школ для детей русских эмигрантов в США. Являлись авторами многих учебных пособий по различным предметам, немало способствовали христианскому православному просвещению русских детей.

Татьяна Алексеевна, получив докторскую степень по русской литературе, преподавала её в американских университетах и создала известный труд «Духовные основы творчества Солженицына». Она и её супруг Олег Михайлович Родзянко на протяжении почти 15 лет занимались изданием русских духовных, исторических, мемуарных трудов, обеспечивая литературой значительную часть русских православных приходов в США и при случае переправляли издания в СССР.

По-разному сложились судьбы «зарубежных» Лопухиных, но одно осталось у них общим и неизменным — они остаются русскими и дружат, не упуская из вида друг друга. Иногда собираются вместе.

Но не все Тимофеевичи после 1917 г. оказались за границей. Исключение составил Тульский и Вологодский губернатор Виктор Александрович Лопухин. Он неоднократно подвергался арестам за антисоветскую агитацию и в конечном итоге погиб в Бутырской тюрьме в 1933 г.

От брака с Надеждой — дочерью знаменитого мецената, потомственного почётного гражданина, купца 1-й гильдии Николая Петровича Бахрушина, у него осталось два сына. Старший, Георгий Викторович, родившийся в 1921 г., всю жизнь — 64 года — проработал на заводе «Динамо». Оттуда ушёл на фронт в 1941-м, воевал, был тяжело ранен, награждён многими боевыми наградами, в том числе орденом Славы III степени. После войны вернулся на родной завод, где стал мастером литейного цеха.

Младший сын бывшего губернатора Александр Викторович продолжил эту ветвь родословного древа Лопухиных. Он родился в 1922 г., окончил школу фабрично-заводского ученичества и 46 лет проработал на заводе «Сатурн» в Москве, на котором в последние годы был заместителем главного технолога.

Его сын Александр Александрович 1952 года рождения — инженер, кандидат технических наук, окончил Московский авиационный институт.

Ныне вахту памяти своей ветви рода несут уже правнуки губернатора и прямые потомки так называемых лермонтовских Лопухиных: Константин, родившийся в 1985 г., и Ольга 1989 года рождения.

В более значительном составе в России осталась другая ветвь рода — Григорьевичи.

Старший к тому времени в этой и поныне российской ветви Лопухиных помещик Калужской губернии Иван Дмитриевич скончался в декабре 1917 г., не достигнув и 50 лет и оставив пять дочерей и двоих сыновей. Старший из них, Александр Иванович, окончил в 1915 г. реальное училище и поступил по случаю войны не в университет, как собирался, а в школу прапорщиков, после её окончания воевал, получил в 1917 г. чин поручика. Затем служил в Белой армии, был арестован, но после показательного суда выпущен на свободу по амнистии, приехал в родную Калугу, где устроился на работу. В 1928 г. был снова арестован и выслан бессрочно в Татарию. Когда же в 1941 г. настала новая военная пора, он был призван рядовым в армию, воевал и в 1945 г., будучи сержантом, за боевые действия в Польше был удостоен ордена Славы III степени. Но после Победы красноармейца Лопухина вернули обратно по месту высылки. Скончался Александр Иванович бездетным в 1985 г.

Младшему из сыновей, Михаилу Ивановичу, к моменту смерти отца было всего 16 лет, но он стал старшим мужчиной в семье, поскольку брат тогда воевал. Михаил Иванович и его родные ещё несколько лет жили в имении, хотя всё имущество и дом были у них давно отобраны. Помогали Лопухиным крестьяне, которые прекрасно помнили добрых помещиков и не таили зла на них. Но в 1924 г. Лопухиных всё-таки выдворили из их усадьбы, и они перебрались в Калугу. В те годы, когда его старший брат возил по городу бочку с водой, Михаил Иванович сторожил склад. Так и жили. Потом пригодились агрономические знания и хозяйственные навыки, полученные ещё в имении отца, которое считалось образцовым. М.И. Лопухин пошёл работать на машинно-тракторную станцию, потом в совхоз, стал руководителем ряда крупных сельскохозяйственных предприятий и до середины 1970-х гг. трудился в одном из них.

Более романтичной оказалась судьба сына Михаила Ивановича — Олега Михайловича Лопухина. Он родился в калужском имении своих родителей в 1924 г., а в 1939-м, когда вокруг продолжалась волна арестов, семья, жившая уже в Москве, решила уберечь мальчика, отправив его «с глаз долой» в Херсон, где только что окончившего семилетку Олега отдали в мореходное училище. В начале войны наш герой чудом спасся, добрался до Москвы, где в Наркомате морского флота ему помогли восстановить документы и получить направление в Бакинское мореходное училище, учёба в котором прерывалась участием в боевых действиях на Северном Кавказе.

Потом, начиная с 1944 г., были плавания на судах, доставлявших в северные порты России грузы по знаменитому ленд-лизу. По маршруту порты Великобритании и США — Мурманск и Архангельск штурман дальнего плавания Лопухин, доучившийся и получивший диплом в бакинском училище, плавал почти полтора года до окончания войны. В октябре 1944 г. ему пришлось участвовать в доставке военных грузов в Печенгу во время Петсамо-Киркенесской операции, которая ускорила разгром немецких войск на Севере.

Через три года после победы 24-летний штурман Олег Михайлович, набрав определённый ценз, сдал дополнительные экзамены и стал капитаном дальнего плавания — самым молодым на советском Севере. И всё, возможно, было бы безоблачно в его карьере, не полюби капитан дочь так называемых врагов народа. Доброхоты предупреждали — не женись, останешься без судна! И действительно, вскоре после свадьбы путь к заграничным плаваниям оказался закрыт. И стал Олег Михайлович арктическим капитаном — на Север, во льды, и обратно. Правда, после реабилитации во второй половине 1950-х родственников жены «за отсутствием состава преступления» он снова много лет ходил в дальние рейсы по всему миру. Позднее из-за болезни сердца перешёл на должность начальника Архангельского мореходного училища — старейшего

морского учебного заведения России, которое он возглавлял с 1971 по 1985 г., в нём до своей кончины вёл курс управления судами. Умер заслуженный работник транспорта России, почётный работник Морского флота СССР и кавалер многих наград Олег Михайлович Лопухин, не дожив до 70 лет, в начале 1993 г.

Сын капитана дальнего плавания, Вадим Олегович Лопухин, родившийся в 1955 г., избрал сугубо сухопутную и вовсе не похожую на отцовскую профессию — окончил медицинский институт, ординатуру и аспирантуру, стал кандидатом медицинских наук, доцентом, врачом высшей категории, автором более 150 научных публикаций. В течение 26 лет, с 1989 по 2015 г., возглавлял акушерско-гинекологическую и педиатрическую службы городской клинической больницы № 70 (ныне имени Е.О. Мухина), а с 2011 г. руководил созданным по его инициативе первым в системе Департамента здравоохранения Москвы перинатальным центром, где и работает в настоящее время врачом, продолжая педагогическую деятельность в качестве доцента в системе последипломного образования врачей.

Среди первых пришёл он в образованное в мае 1990 г. Российское дворянское собрание, стал одним из его организаторов и руководителей, был избран первым вице-предводителем российского дворянства и прослужил в этой должности 12 лет (239; 279). А с 2002 г. по настоящее время возглавляет Управление международных и межрегиональных связей Канцелярии Главы Российского Императорского Дома Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны. Уже более 25 лет является главным координатором высочайших визитов и продолжает служение в Российском дворянском собрании, но уже в должности председателя приёмной комиссии. Остается добавить, что у князя В.О. Лопухина две дочери — княжны Мария и Евдокия.

Но это далеко не все Лопухины, которые живут сейчас в России и за её пределами, и они, несомненно, заслуживают отдельного весьма интересного рассказа.

Так, одна из веточек Григорьевичей оказалась в Польше.

Георгий Иванович Лопухин — участник Первой мировой войны, ротмистр, оказался накануне революции представителем Русской военной миссии в Италии (1917—1918), а потом вернулся в имение родителей, находившееся в теперь уже независимой Польше, где, пережив тяготы войны и прочие непростые события, до сих пор живут его дети, внуки и правнуки, старший из которых Даниэль Георгиевич Лопухин служит инженером-электромехаником на судах Польского торгового флота (246).

Другая веточка проросла из небытия, так же, как и в Польше, после выхода в 2001 г. книги Б.П. Краевского «Лопухины в истории Отечества», но уже на Украине. Там оказались потомки считавшихся пропавшими в Гражданскую войну братьев Виктора и Александра Николаевичей Лопухиных. А их двоюродные братья и сёстры всё это время жили в Москве и не знали о существовании столь близких родственников (246). Теперь же одна из московских Лопухиных — известный художник и преподаватель живописи Наталия Владимировна Лопухина — хочет написать их портреты, дабы закрепить вновь приобретённое родство.

...Вот то небольшое, что можно рассказать в коротком очерке о древнем и славном дворянском роде, отмечающем в 2022 г. своё 1000-летие.

История рода Лопухиных уходит корнями в седую старину, полная генеалогическая схема его занимает громадное полотнище, которое не раскрыть целиком и на большом столе, а родословные росписи пестрят именами, навсегда оставшимися в истории России.

Это в прошлом, но у старинного рода большое будущее. Подрастают новые поколения. Именно они — надежда и упование всех, кто носит эту знаменитую и обязывающую фамилию. Дай Бог, чтобы надежды оправдались!

Москва, 2018 год.